

УДК 94(47).084.3:67

DOI: 10.37482/2687-1505-V280

*ТРОШИНА Татьяна Игоревна, доктор исторических наук, профессор кафедры социальной работы и социальной безопасности Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова; профессор кафедры гуманитарных наук Северного государственного медицинского университета (г. Архангельск). Автор 204 научных публикаций**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5517-5949>

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И КОНФЛИКТЫ НА КОНЦЕССИОННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ ЛЕСНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ в 1920-е годы¹

В статье представлена проблема трудовых взаимоотношений на предприятиях лесной промышленности Архангельской губернии, переданных советским правительством в концессию иностранным предпринимателям в 1920-е годы. Основу исследования составили архивные (концессионные договоры и отчеты, результаты обследования концессионных предприятий органами власти, стенограммы заседаний советских партийных и профсоюзных организаций, материалы заводских расценочных комиссий, следственных и судебных органов), а также опубликованные источники – прежде всего, синхронные (публикации в газетах и журналах). Акцентируется внимание на отношении к трудовым конфликтам со стороны органов власти. Лесные концессии имели большое международное значение для центрального правительства и экономическое – для местных властей. Поэтому, в сравнении с ситуацией на других концессионных предприятиях, они нередко оказывались на стороне «капиталистов». Со своей стороны концессионеры, заинтересованные в привлечении квалифицированной рабочей силы на предприятия и стремящиеся к нормализации отношений с населением и правительством территории, которая была передана им для эксплуатации лесных ресурсов, шли навстречу трудовым коллективам, тратя существенные средства на строительство жилья и объектов социального и культурного назначения в заводских поселках. Трудовые отношения и конфликты рассмотрены в статье на примере четырех категорий наемных работников: квалифицированные рабочие; чернорабочие на лесопильных заводах; крестьяне, занимавшиеся заготовкой леса и доставкой его к заводам (лесорубы и сплавики, объединенные в артели); административные и канцелярские служащие.

*Адрес: 163002, г. Архангельск, ул. Смольный Буян, д. 7; e-mail: tatr-arh@mail.ru

¹Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-20061

Для цитирования: Трошина Т.И. Трудовые отношения и конфликты на концессионных предприятиях лесной промышленности Архангельской губернии в 1920-е годы // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 4. С. 15–26. DOI: 10.37482/2687-1505-V280

Делается также вывод о специфике трудовых конфликтов, вызванных послереволюционными социальными ожиданиями населения.

Ключевые слова: лесная промышленность, иностранные концессии, Архангельская губерния, трудовые конфликты, советское социально-трудовое законодательство, нэп.

Рабочие конфликты на переданных иностранным компаниям в аренду или на концессионных условиях предприятиях – вопрос, хорошо раскрытый в исследованиях, посвященных реализации советской концессионной программы [1–4]. Это объясняется достаточно полной источниковой базой: взаимоотношения рабочих с «хозяевами» в период новой экономической политики (нэпа) внимательно отслеживались партийными, советскими и профсоюзными организациями и представлены в их отчетах. В современных публикациях эти конфликты, которые нередко были «управляемыми» (рабочие концессионных предприятий получали определенную поддержку со стороны советских властей при защите своих прав), рассматриваются в качестве эффективного орудия давления на концессионные предприятия, часто с целью их закрытия [5, 6]. Либо в аспекте претензий иностранных концессионеров [7], недовольных высокими ставками отчислений на социальное страхование, а нередко и вмешательством профсоюзов в их дела.

Мотивацией для обращения к этому вопросу для автора послужило то, что на материалах северных лесных концессий данная тема изучена недостаточно. Назовем лишь статью А.А. Киселева [8], в которой упоминается о «тяжелых условиях труда и быта» на концессионных предприятиях Европейского Севера, однако подробно трудовые конфликты рассматриваются только на предприятиях лесной концессии «Мологолес» в Петроградской губернии. Можем предположить, что Мологолес как «чистая» концессия (т. е. без участия советской стороны) более внимательно отслеживалась в

смысле защиты трудовых прав. Три другие лесные концессии – Русанглолес, Русголландлес и Руснорвеголес («Русско-норвежское общество лесной промышленности на Онеге») – были «смешанными», акционером в них выступало и советское правительство, которое представлял трест «Северолес», соответственно, и ожидаемые дивиденды должны были делиться поровну. Не в интересах государства допускать трудовые конфликты, которые негативно могли повлиять на производительность концессионных предприятий. Профсоюзным организациям было разъяснено, что эти предприятия относятся к «частным», но, согласно договорам с правительством, «профорганизациями поддерживаются наряду с государственными», и центральный орган Союза деревообделочников (профсоюз рабочих лесопильных заводов) «неоднократно указывал низовым ячейкам о недопустимости рвачества и использования своего положения в ущерб предприятиям», т. е. не рекомендовал особо рьяно подталкивать рабочих к забастовкам для улучшения своего материального положения. В результате профсоюз «никогда не занимал непримиримой позиции и шел [концессионерам] на уступки», поэтому и «серьезных конфликтов не было»².

Вместе с тем в архивных документах содержится разнообразная и нередко противоречивая (в зависимости от трактовки их авторов) информация о трудовых конфликтах на этих предприятиях. Они различались в зависимости от интересов социальной группы работников. Прежде всего, это квалифицированные рабочие – немногочисленные постоянные кадры на лесопильных заводах, имевших сезонный харак-

²Государственный архив Архангельской области. Отдел документов социально-политической истории (ГААО. ОДСПИ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1242. Л. 29.

тер работы; они были заинтересованы в высокой зарплате для удовлетворения потребностей своих семей, нормальных жилищных условиях и социальных гарантиях. Вторая группа – это сезонные рабочие, в основном крестьяне, которые нуждались только в стабильном временном заработке. Третья – крестьяне, работавшие на лесозаготовках и сплаве леса. Их интерес касался справедливых условий артельного найма. В особую категорию можно выделить канцелярских и административных служащих, которые, будучи также наемными, воспринимались другими категориями рабочих как хозяйские «прислужники»; к ним с особым вниманием «присматривались» как сами рабочие, так и заводские профсоюзные и партийные функционеры.

Сведений о настроениях рабочих всех перечисленных категорий в источниках достаточно много: они отражались в регулярных сводках Архангельского Государственного политического управления об экономическом и политическом состоянии губернии. Поводы для недовольства появлялись уже потому, что «разбуженное Революцией» сознание рабочих воспринимало возвращение к прежним капиталистическим отношениям как потерю завоеванных социальных прав. Это особо проявлялось в Архангельской губернии, где концессионерами были бывшие владельцы заводов, договоры с которыми «предусматривали по существу реституцию части прежней собственности», и в качестве взноса им засчитывали национализированное имущество (экспортную древесину)³. Русанглолесу в аренду был передан завод

№ 29 «Красный восход» (до национализации принадлежавший лесопромышленной фирме «Ш. Шалит», которая под названием «Лондонская и Северная торговая компания» стала основным акционером концессионного предприятия). Русголландлесу (основной акционер – также бывший владелец завода, голландская фирма «Альциус и К^о Наследники», выступавшая под названием «Анонимное общество лесной торговли») – завод № 23. Руснорвеголес (консорциум бывших владельцев «Бак и Вик», «Бак и Вагер», «Ф. Прютц и Ко», «Онежская лесная компания») получил пять онежских заводов, из которых, впрочем, работали только три⁴.

В разделе «Конфликты с концессионерами и досрочная ликвидация концессий» Сопроводительной записки управляющего делами Главного концессионного комитета от 10 февраля 1927 года выделены «конфликты, возникающие из нашей политики по труду и практики профсоюзов»⁵. Северные лесные концессии в этом отношении особых проблем не имели. Сложности, которые отражались и на взаимоотношениях с работниками, чаще вытекали из конъюнктуры мирового экспортного рынка. Английские и голландские инвесторы в конце концов финансировать свои концессии отказались, и предприятия постепенно были возвращены тресту «Северолес». Руснорвеголес продолжал держаться путем «почти перманентного выпрашивания всяких отсрочек, льгот и банковских кредитов... Домогаясь помощи либо уступок от правительства, концессионеры отлично учитывают не только экономическое, но и международное значение своих концессий для СССР»⁶. Действительно, власти

³Сопроводительная записка управляющего делами ГKK при СНК СССР Иванова в СНК СССР и отчет ГKK при СНК СССР за 1925/1926 г. 10 февраля 1927 г. // Иностраные концессии в СССР (1920–1930 гг.): документы и материалы. М., 2005. С. 211–275; Бутковский В. Иностраные концессии в народном хозяйстве СССР. М.; Л., 1928. С. 57; Зайцев Д.М. Северолес и лесные концессии. Проблема политики и практики лесных концессий в России // Северолес: ежемес. журн. Гос. об-ния лесн. пром-сти Сев.-Беломор. края. 1922. № 1. С. 8–12.

⁴ГААО. Ф. р-71. Оп. 1. Д. 782. Л. 6.

⁵Сопроводительная записка управляющего делами...

⁶Там же.

нередко поддерживали концессионеров в этих вопросах, понимая, что прекращение их деятельности создаст трудности в наполнении центрального и местных бюджетов и приведет к безработице значительной части населения губернии.

Интересы советского правительства, местных властей, населения и иностранных концессионеров оказались настолько переплетены, что власти нередко сами способствовали тому, чтобы возникшее напряжение в отношениях не переросло в открытые конфликты. Так, возможность не допустить ухудшения положения рабочих на концессионных лесозаводах в связи с закрытием предприятий видели в увеличении заготовок леса, и концессионерам в этом отношении шли на различные уступки. Как констатировало губернское партийное руководство в докладной записке в Центральный комитет партии (ЦК)⁷, концессионеры добивались расширения лесорубочных участков с выходом к удобным сплавному районам; настаивали на отмене обязательства по сплошной вырубке леса, стремясь брать только пиловочную древесину. Приходилось поддерживать и другие их требования (включая снижение социальных расходов), поскольку те угрожали сокращением производства и даже «уходом» из страны.

Конфликты с рабочими были нежелательны как для местной советской и партийной власти, так и для арендаторов-концессионеров, многие из которых имели опыт общения с рабочими в предыдущие десятилетия, особо важный – в период Октябрьской революции [9], и были готовы к возможным сложностям. Продовольственная проблема, столь острая в начале 1920-х годов, им также была известна. Население Архангельской губернии, включая крестьян, и до революции нуждалось в привозном продовольствии, в т. ч. норвежской рыбе. Практиковавшиеся авансы продовольствием были выгодны крестьянам,

а в условиях постоянного обесценивания советских «дензнаков» устаивали и рабочих. Для новых хозяев предприятий экономически это было выгодно, поскольку существовавший товарный эквивалент денег обычно не соблюдался.

Вместе с тем в сводках о политическом состоянии фиксировались опасения населения в связи с возвращением бывших «хозяев» и передачей в концессию иностранцам северного леса, который на протяжении не одного десятилетия был предметом конфликта крестьян с государством [10]. Власти всех уровней объясняли суть концессионной политики, в частности, тем, что иностранные капиталисты будут строго подчиняться всем советским законам⁸.

Но в реальности было не совсем так. Типовым концессионным договором для «смешанных обществ» оговаривалось, что профсоюзы не имеют права вмешиваться в их хозяйственную деятельность. Администрация же, в нарушение советских законов, имела право увольнять работников «без уважительной причины», но с выплатой полагающейся компенсации⁹.

В качественной работе лесной промышленности было заинтересовано государство, поэтому и стремление концессионеров поднять дисциплину встречалось с пониманием. Руководитель Северолеса К.-Ю.Х. Данишевский признавал, что «во время гражданской войны мы отвыкли от деловой хозяйственной работы. Пошатнулась дисциплина труда», присутствовали «недоверие к хозяйственному аппарату... отсутствие коммерческой этики и норм для подрядчиков и поставщиков... отсутствие чувства долга при исполнении взятых на себя (любых) обязательств...»¹⁰. Представитель Северолеса в Руснорвеголесе М.И. Бечин, посетив предприятия за границей, признавал низкую трудовую дисциплину на архангельских заводах: «Шведские и норвежские рабочие проник-

⁷ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д.1242. Л. 2–45.

⁸ГААО. Ф. 230. Оп. 1. Д. 28. Л. 72, 113.

⁹Концессионный договор с Онежским лесопромышленным обществом «Руснорвеголес». М., 1923; ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1242. Л. 29, 30; ГААО. Ф. 352. Оп. 7. Д. 9. Л. 57об.

¹⁰Данишевский К.-Ю.Х. Северлес. // Северлес... 1922. № 1. С. 2–4.

нуты каким-то чувством долга, обязанности к предприятию; если он получает определенное вознаграждение, то он стремится добросовестно его отработать»; «...у нас на заводах машина ждет рабочего, у них наоборот, человек ждет машину, еще за несколько минут он сидит, ждет когда (она) будет пущена»¹¹. Директор-распорядитель Руснорвеголеса Ф. Прютц тоже указывал на низкую трудовую дисциплину: официально существует 8 часовой рабочий день, однако «заводы часто начинали работу на 15, 30 минут позднее, и так же заканчивали...»¹².

Разбухшие в период военного коммунизма штаты стали большой проблемой при переходе к здоровому хозяйствованию. Необходимость понизить себестоимость продукции потребовала от концессионеров в первую очередь сокращения работников, из-за чего возникали достаточно острые конфликты с населением (которое в Онеге ««склонно было смотреть» на концессионеров с враждебностью как на «иностранцев капиталистов», и это отношение не улучшилось, когда стали вводить более строгую дисциплину, уменьшать число рабочих, ставить управление и работу на здоровое коммерческое основание»¹³) и трудовыми коллективами. Право концессионеров увольнять рабочих без объяснения причин чрезвычайно «нервировало» рабочих, что было не в интересах администрации, считавшей, что «проще [с ними] договориться»¹⁴. Архангельские коммунисты и профсоюзные работники фиксировали «несоветские» формы взаимодействия капиталистов с рабочими. Отмечалась «особая стратегия руководителей предприятий», которые «ни за что не пойдут ни на какие уступки с партийным членом завкома, а... с бес-

партийным идут...». «Практикуются подачки» рабочим в виде авансов и наградных, подкуп и «спаивание» профсоюзных функционеров. Администрация подозревалась в шантаже, когда при сокращении штатов «торговалась», обещая принять «30 членов профсоюза» взамен возвращения уволенных решением профкома специалистов¹⁵.

Концессионеры объясняли свои действия интересами производства, рабочие – стремлением избавиться от активистов. По свидетельству заводских коммунистов, администрация голландских и английских концессионных заводов «делит рабочих на крикливых и тихонь. К первым никакой снисходительности, а для вторых – выдача авансов, [поддержка] по жилищному вопросу и т. п. “Крикливые” первыми попадают под сокращение...» При этом отмечалось, что на предприятиях норвежских концессионеров такая практика «совершенно отсутствует»¹⁶. Со временем и они «начинают более показывать свою самостоятельность» в отношениях с профсоюзами: «крупных конфликтов не наблюдается. Но мелкие недоразумения есть: стремление понижения выплат за отдельные работы; зачатки “благотворительности” – для церкви отпустили бесплатно дрова. Это создает недовольство... Рабочие начинают смотреть на администрацию как на приказчиков-капиталистов», при этом профсоюзные функционеры «пытаются объяснить рабочим, что они не правы»¹⁷.

По соглашению иностранные акционеры обязаны были определять коллективными договорами с профсоюзом условия труда, аналогичные таковым у треста «Северолес», которому подчинялись по многим вопросам. При этом концессионерам разрешалось платить своим

¹¹Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 3429. Оп. 3 Д. 1310 Л. 4–8.

¹²ГААО. Ф. р-71. Оп. 1. Д. 196-а. Л. 160об.–166.

¹³Там же.

¹⁴ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1242. Л. 29.

¹⁵Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 16. Д. 7. Л. 46–53.

¹⁶ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1242. Л. 35–37.

¹⁷ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1076. Л. 60–62.

сотрудникам более высокую зарплату. Рабочие Руснорвеголеса требовали повышения на 40 %, концессионеры предлагали только 15 %; пришли к соглашению о 20 %¹⁸.

Стремясь не допускать конфликтов с рабочими, администрация концессионных предприятий много средств тратила на строительство жилых домов; старались не увольнять рабочих при сезонном закрытии предприятий (тем самым не теряя кадры и экономя на обязательной выплате выходного пособия). Советские хозяйственные органы в этом видели причину высокой себестоимости лесоматериалов, усугублявшую экономические сложности концессионных предприятий. Партийцы были согласны, считая, что «капиталисты» тем самым хотят «подкупить» рабочих.

Вылившийся в забастовку трудовой конфликт был один, и случился он на онежском заводе № 34. Уездный комитет партии в марте 1924 года отмечал «стремление рабочих добиться повышения зарплаты и облегчения труда... Группа обрезчиков под руководством некоторых личностей предъявила... требование повышения зарплаты и увеличения» вспомогательного персонала. Получив отказ администрации (объяснявшей экономию применением более совершенных станков), «рабочие не захотели ждать решения конфликтной комиссии и на работу не вышли». В результате остановилась работа всего завода¹⁹, но уже через два дня она возобновилась, не без помощи укома, выполнявшего установку ЦК и увидевшего «уклон» членов завкома, которые «ведут соглашательскую политику» и «не только не одернули рабочих», а поддержали их в борьбе с заводоуправлением²⁰.

После «разъяснения» со стороны партийных товарищей профсоюз «признал действия рабочих преждевременными и неправильными»²¹.

Основным поводом для недоразумений были вопросы сокращения штатов. Администрация стремилась повысить заработок квалифицированных специалистов за счет сокращения непроизводительных расходов. К таковым относились разбухшие штаты низкоквалифицированных рабочих и высокая шкала социального страхования: 22 % против 14 %, выплачиваемых Северолесом. По мнению Ф. Прютца, «сумма эта вне всякой пропорции с действительной стоимостью рабочего страхования в любой другой стране...»²². Удивляли концессионеров «непомерно большие расходы на рабочие клубы, фабзавкомы, культкомиссии и т. д.»²³. Уплатив по этим статьям 10 тыс. фунтов стерлингов, Ф. Прютц возмущался: «Было бы справедливее предложить рабочим создавать [клубы] за счет собственных взносов, как в большинстве стран мира»²⁴.

Расходы, действительно, были высокие и непривычные для западных капиталистов. Об их сокращении ходатайствовал перед правительством и трест «Северолес», и Главный концессионный комитет. Показательна калькуляция завода № 29 (Русанглолес), где перечислены все подобные расходы (на общую сумму более 44 тыс. фунтов): «Обслуживание поселка, содержание жилых зданий, бани, прачечной; [расходы на] санитарию... Компенсация рабочим и служащим (отпуска, выходное пособие, спецодежда); начисление на зарплату (соцстрахование), пеня за несвоевременную выплату [зарплаты]; расходы на фабзавком, культнужды, ВТУЗ или ФЗУ²⁵, содержание

¹⁸ГААО. Ф. р-71. Оп. 1. Д. 196-а. Л. 53–59, 147.

¹⁹ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1076. Л. 102–104.

²⁰Там же. Д. 1018. Л. 52.

²¹Там же. Д. 1076. Л. 102–104.

²²ГААО. Ф. р-71. Оп. 1. Д. 782. Л. 15.

²³ГААО. Ф. 352. Оп. 7. Д. 21. Л. 75–77.

²⁴ГААО. Ф. р-71. Оп. 1. Д. 196-а. Л. 160об.–166.

²⁵ВТУЗ – высшее техническое учебное заведение; ФЗУ – школа фабрично-заводского ученичества.

лечебного учреждения, содержание профорганизации и расчетно-контрольной комиссии; [взносы в] фонд рабочему изобретательству. Зарплата террармейцам, курсантам, [лицам] по выполнению общественных и государственных обязанностей...»²⁶.

Однако создание условий для рабочих было одним из пунктов концессионного договора. За первый год своей деятельности Русанглосес отчитывался об удвоении жилой площади для рабочих. Кроме жилья для семейных и одиноких, летних барачков для сезонных рабочих, в заводском поселке были устроены «клуб-театр с фойе», школа для детей, прачечная. В поселке при переданном Русголландлесу заводе построены здания для пекарни, бани, столовой и прачечной, устроены «народный дом с кинобудкой, спортивная площадка, две детские площадки, школа». Руснорвеголес, став фактически единственным работодателем в Онеге, «обошелся» только увеличением жилых помещений²⁷, что имело немалое значение для организации трудового процесса, поскольку заводы находились на удалении от поселений, и рабочие теряли много времени, добираясь туда, особенно в распутицу.

При этом рабочие и их профсоюзные представители привыкли мыслить категориями военного коммунизма и специфического понимания справедливости. Концессионеры возмущались, что при сокращении штатов завкомы предпочитают учитывать материальное и социальное положение работников, а не их профессионализм.

Конфликтная комиссия профсоюза при заводе № 23 (Русголландлес), рассматривая списки сокращенных сотрудников, подходила к вопросу с житейских позиций, без учета интересов предприятия. Предлагали сократить рабочих, которые «могут с успехом уехать в деревни и там прожить безболезненно», а на их

место поставить тех, кто «находится в тяжелом материальном положении». С этим категорически не могли согласиться ответственные за производство, стремившиеся сохранить в первую очередь квалифицированных специалистов²⁸.

Партийные органы были склонны рассматривать подобную «дифференциацию» как попытку расколоть рабочий класс изнутри. Но приходилось учитывать, что банкротство и уход концессионеров может оставить без работы тысячи жителей губернии – рабочих заводов и крестьян, занимавшихся заготовкой и сплавом леса к заводам; вместе с семьями – до 30 % населения губернии. Это понимали и концессионеры. Руснорвеголес декларировал «серьезную ответственность, которую Компания имеет по отношению к населению Онеги. Если работы останутся или уменьшатся, это будет означать голод тысячам семьям, которые так или иначе от нас зависят...»²⁹.

Власти нередко поддерживали «капиталистов» и в их конфликтах с крестьянами. Нанятая Русанглосесом артель лесорубов, получив аванс деньгами и продовольствием, сорвала заготовки. По словам адвоката, «большинство рабочих малоимущие и малограмотные, их обманул уполномоченный – хитрец и ловкач...». Губернский суд признал, что «артель была нанята на кабальных условиях», которые, однако, «перекрыты высоким заработком». Претензия артельщиков на оплату невыполненных работ была признана «обогащением» и отклонена³⁰.

Конфликты нередко возникали по поводам, которые, как и прежде, были вызваны обманом и мошенничеством со стороны представителей заводов, заключавших с крестьянскими артелями договоры. В период нэпа добавился еще один раздражающий крестьян фактор: нередко агентами предприятий оказывались прежние

²⁶ГААО. Ф. 4425. Оп. 1. Д. 1. Л. 3, 3об.

²⁷ГААО. Ф. р-71. Оп. 1. Д. 782. Л. 15.

²⁸ГААО. Ф. 4425. Оп. 1. Д. 3. Л. 150.

²⁹ГААО. Ф. р-71. Оп. 1. Д. 196-а. Л. 150–151.

³⁰ГААО. Ф. 4425. Оп. 1. Д. 3. Л. 319–320.

подрядчики, с которыми, казалось, во время революции расстались. Однако именно они, как знатоки переговоров с крестьянами, вновь явились в деревни и старались договариваться с прежними артельщиками (в глазах населения «кулачьём»), которые набирают людей «по знакомству и по родству». Руснорвеголес старался не нарушать советских законов, и при найме лесорубов и сплавщиков вел дела только с «комитетами крестьянской взаимопомощи»³¹, которые распределяли наряды «по справедливости».

Артельный наем был для концессионеров выгодным. В артелях состояли крестьяне, традиционно занимавшиеся лесным промыслом. Работая недалеко от своих деревень, они довольствовались в лесу временками; в качестве аванса и заработка готовы были получать продовольствие, а в условиях протоварного голода 1920-х годов – орудия труда, одежду, обувь. И все же конфликты, связанные с несоответствием традиционной формы артельной работы новым требованиям по охране труда, происходили довольно часто. Осенью 1926 года артель грузчиков подрядилась с Русанглолесом «до конца навигации». Выполнив порученную работу, артель ушла к другому работодателю, предложившему выгодные условия. По окончании срока контракта рабочие стали требовать выплаты «выходного пособия». Представитель Русанглолеса отказал, мотивируя тем, что предприятие и так потерпело убытки, потеряв в самую горячую пору рабочие руки, к тому же «коллективный договор распространяется исключительно на рабочих завода и отнюдь не распространяется» на нанятых артельно лесорубов и сплавщиков³².

Артель лесокатов (рабочих, выкатывающих на берег сплавленные по реке бревна) подрядилась с Русанглолесом за 107 рублей на рабочего

(при том, что средняя зарплата по стране была от 45 до 75 рублей); после выполнения работы администрация предложила новый подряд на лучших условиях. Рабочие, удовлетворенные полученным заработком, «отказались и ушли»; конечно, такое отношение не могло не удивить иностранцев³³.

Об условиях работы на лесозаготовках и сплаве мы имеем представление из различных источников, в частности из документов типа «технического задания», где до деталей проговаривались права и обязанности сторон. Другим видом источников являются следственные дела, когда по жалобам рабочих или работодателей (друг на друга) проводилось следствие, где тщательно опрашивались все стороны. Такие документы относятся уже к советскому времени, когда интересы работников были максимально защищены на уровне государственного закона. Судя по расчетным документам, рабочий получал аванс продовольствием (крупы, рыба, соль, сахар) и другими товарами (мыло, табак, папиросная бумага), при этом оплата осуществлялась не только за выполненную работу, но и – по среднему – за время, потраченное на дорогу, выходные и праздничные дни, а также полагались сверхурочные (свыше 8 рабочих часов)³⁴. Оговаривались условия охраны труда³⁵: на производственных участках обязательно должна быть аптечка; в случае травмы рабочего бесплатно доставляли в больницу и оплачивали лечение с сохранением среднего заработка. Заболевший в течение двух месяцев получал среднюю зарплату. Семье умершего рабочего выплачивалась компенсация. Подrostки, кормящие и беременные женщины к работе в лесу и на сплаве не допускались.

Эти условия, конечно, были обременительными для предприятий. Судя по имеющимся

³¹ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1242. Л. 35–37.

³²ГААО. Ф. 4425. Оп. 1. Д. 3. Л. 79, 82, 141.

³³Там же. Л. 86.

³⁴ГААО. Ф. 554. Оп. 1. Д. 158. Л. 165об.–166.

³⁵ГААО. Ф. 4425. Л. 1. Д. 3. Л. 324–326.

источникам они практически не соблюдались, и власти вряд ли реагировали на нарушения в отношении крестьян. Важнее было настроение рабочих на заводах; опасность их закрытия из-за отсутствия сырья позволяла администрации торговаться по уменьшению социальной нагрузки. Так, Руснорвеголес «обусловил увеличение заготовок отказом... от 2-недельного выходного пособия увольняемым рабочим»³⁶, чего в конце концов ему удалось частично добиться в отношении компенсации лесорубам и сплавщикам, если увольнение было связано с их отказом выполнять условия договора³⁷.

А вот вопрос оплаты добросовестного труда решался концессионерами в положительном для рабочих ключе, что объяснялось остротой проблемы рабочих рук в малонаселенных северных губерниях. Но эта инициатива вступала в противоречие с новыми правилами. Попытки поднять расценки на труд лесорубов и сплавщиков воспринимались советскими органами как недобросовестная конкуренция³⁸, завоз рабочих из других регионов (если местные запрашивали «слишком большую цену» за свой труд) приводил к конфликту с уездными властями.

Что касается конфликтов концессионеров с наемными служащими, то сведений об этом довольно мало. Чаще положение административных и канцелярских работников вызывало недовольство у рабочих. Это в определенной степени стало «наследием» революционного времени, когда работа «в конторе» считалась легкой и должна была предоставляться только неспособным к физическому труду, например инвалидам войны. Отсюда убеждение, что все служащие «набраны преимущественно по знакомству»³⁹.

Политические сводки констатировали «бурное недовольство» рабочих распределением квартир («административно-техническому персоналу предоставляются лучшие квартиры за счет стеснения рабочих...») и сохранением «штата административно-конторского персонала за счет сокращения рабочих»⁴⁰.

Судя по документам (служебной переписке)⁴¹, недовольство более всего высказывали иностранные служащие, приехавшие в опасную и непредсказуемую послереволюционную Россию в надежде на высокие заработки. Иногда жалованием и «наградными» оставались недовольны советские граждане, занимавшие высокие посты на концессионных предприятиях. Разумеется, служащие, особенно инженеры и техники, находились в несравнимо лучшем положении, чем рабочие. В пояснении к Уставу Русанглолес гарантировались «премии, награды или пенсии всякой нанятой персоне как принятым по условиям компании, так и вдовам, детям или зависимым от таковых личностей»⁴².

Особо ценились опытные служащие, работавшие в северной лесной промышленности еще до революции. Директором-распорядителем Русголландлеса был О. Вагер, бывший управляющий архангельского завода голландского общества лесной торговли «Альциус и К^о преемники», которое продолжало платить ему жалование даже после национализации производства [11]. В 1926 году «ввиду выявленных убытков» собрание акционеров Руснорвеголеса постановило снизить на 20 % оклады управляющим Эж. Абрагамсену и А. Вагеру, пообещав, однако, компенсировать понесенный урон⁴³. Также

³⁶ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1076. Л. 277–302.

³⁷ГААО. Ф. р-71. Оп. 1. Д. 196-а. Л. 158об.–166.

³⁸РГАЭ. Ф. 7758. Оп. 1 Д. 73. Л. 104, 105.

³⁹ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1242. Л. 35–37.

⁴⁰Там же. Д. 1018. Л. 7.

⁴¹ГААО. Ф. 554. Оп. 1. Д. 194.

⁴²ГААО. Ф. р-71. Оп. 1. Д. 197. Л. 3об.

⁴³ГААО. Ф. р-71. Оп. 1. Д. 196-а. Л. 269.

решался вопрос в отношении других служащих, чья зарплата зависела от прибыли предприятий.

Старались концессионеры защищать и нужных им русских управленцев. Оказавшийся под следствием из-за конфликта с рабочими-лесорубами заведующий лесорайоном А.Е. Мысов обвинялся в «злоупотреблении служебным положением». Русанглолес пытался доказать, что Мысов служит на частном предприятии и под такую статью попасть не может. На защиту встало и правление Северолеса, характеризуя его как «человека старательного и прекрасно знающего местные условия», опасаясь, что «после его изоляции нам план... не выполнить...»⁴⁴. Но в отношении советских граждан народный суд обычно оказывался на стороне недовольных рабочих.

Приведенные в статье факты подтверждают выявленные комиссией по концессионной политике и представленные на политбюро ЦК РКП(б) 18 июня 1925 года причины неудач переданных иностранцам концессий, среди которых: «включение в концессионные дого-

воры требований, несоизмеримых с возможностями концессионных предприятий; недоверчивое, придирчивое, иногда враждебное отношение местных органов к концессионным предприятиям; большие накладные расходы на зарплату, включение в отдельных случаях в коллективные договоры других преувеличенных требований»⁴⁵. В отношении лесных концессий Архангельской губернии – одних из первых в Советской России, следует учитывать и важность заключенных договоров для государства, прежде всего внешнеполитическую – как определенный «прорыв» экономической и политической блокады, с использованием эгоистических интересов иностранных капиталистов. Этот опыт, даже не слишком удачный, был чрезвычайно важен для Советского государства. По мере возможности власти контролировали выполнение концессионерами их социальной функции, однако, исходя из интересов государства, приходилось в определенной степени жертвовать интересами местных производителей и даже правами трудящихся.

Список литературы

1. Загоруйко М.М., Юдина Т.В. Проблемы трудовых и социальных прав населения СССР на концессионных предприятиях в 1920-е годы. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. 54, [2] с.
2. Уразова С.А. Особенности работы профсоюзов на частных предприятиях в годы нэпа // Ист., филос., полит. и юрид. науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики. 2012. № 6(20), ч. 1. С. 193–196.
3. Юдина Т.В. Советские рабочие и служащие на концессионных предприятиях СССР в годы новой экономической политики: дис. ... д-ра ист. наук. Волгоград, 2010. 573 с.
4. Юдина Т.В. Социально-трудовые конфликты на концессионных предприятиях СССР в 1920-е гг. // Нов. ист. вестн. 2009. № 1(19). С. 45–53.
5. Красильников С.А. Кризисы власти и трудовые конфликты в период нэпа // ЭКО. 2021. № 4. С. 45–70. DOI: [10.30680/ECO0131-7652-2021-4-45-70](https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2021-4-45-70)
6. Рассказимов А.А. Всеобщая забастовка 1930 г. в Сибири как средство ликвидации концессии «Лена Гольдфильде Лимитед» // Гуманит. науки в Сибири. 2018. Т. 25, № 4. С. 100–104. DOI: [10.15372/HSS20180418](https://doi.org/10.15372/HSS20180418)

⁴⁴ГААО. Ф. 4425. Оп.1. Д. 3. Л. 374–378, 385–387, 409.

⁴⁵Выписки из протоколов заседания политбюро ЦК РКП(б) об утверждении решения комиссии политбюро по концессионной политике. 18 июня 1925 года // Иностранные концессии в СССР... С. 191–194.

7. Левин М.И., Шевелева И.В. Иностранные концессии в 1920-х годах в СССР: «почему расстались?» // Вопр. экономики. 2016. № 1. С. 138–158. DOI: [10.32609/0042-8736-2016-1-138-158](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-1-138-158)
8. Киселев А.А. Концессии на Европейском Севере СССР // Вопр. истории. 1972. № 7. С. 26–35.
9. Абрахамсен Э. Из Серёгова в Онегу. Воспоминания о норвежском лесном бизнесе в России: пер. с норв. Архангельск: САФУ, 2016. 213 с.
10. Трошина Т.И. «Крестьянство рубит лес для себя в широких размерах, без всяких разрешений, нет средств прекратить самовольные порубки». Северная деревня в 1917 г. // Вестн. архивиста. 2017. № 2. С. 87–101.
11. Гернет С.М. Архангельск в истории русско-шведских отношений // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи: материалы междунар. науч. симп.: (К 210-летию А.Л. Витберга) / [отв. ред. В.В. Низов]. Киров: Киров. гос. объедин. ист.-архитектур. и лит. музей, 1997. С. 195–199.

References

1. Zagorul'ko M.M., Yudina T.V. *Problemy trudovykh i sotsial'nykh prav naseleniya SSSR na kontsessionnykh predpriyatiyakh v 1920-e gody* [Problems of Labour and Social Rights of the Population of the USSR at Concessionary Enterprises in the 1920s]. Volgograd, 2007. 54 p.
2. Urazova S.A. Osobennosti raboty profsoyuzov na chastnykh predpriyatiyakh v gody nepa [Trade Unions Activity Features in Private Enterprises During New Economic Policy Period]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2012, no. 6, pt. 1, pp. 193–196.
3. Yudina T.V. *Sovetskie rabochie i sluzhashchie na kontsessionnykh predpriyatiyakh SSSR v gody novoy ekonomicheskoy politiki* [Soviet Workers and Office-Based Employees at Concessionary Enterprises of the USSR During the Period of the New Economic Policy: Diss.]. Volgograd, 2010. 573 p.
4. Yudina T.V. Sotsial'no-trudovye konflikty na kontsessionnykh predpriyatiyakh SSSR v 1920-e gg. [Social and Labour Conflicts at Soviet Concessionary Enterprises in the 1920s]. *Novyy istoricheskiy vestnik*, 2009, no. 1, pp. 45–53.
5. Krasilnikov S.A. Power Crises and Labor Conflicts During the NEP Period. *EKO*, 2021, no. 4, pp. 45–70 (in Russ.). DOI: [10.30680/ECO0131-7652-2021-4-45-70](https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2021-4-45-70)
6. Rasskazimov A.A. Vseobshchaya zabastovka 1930 g. v Sibiri kak sredstvo likvidatsii kontsessii “Lena Gol'dfil'ds Limited” [The General Strike of 1930 in Siberia as a Means to Liquidate the Concession of “Lena Goldfields Ltd”]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2018, vol. 25, no. 4, pp. 100–104. DOI: [10.15372/HSS20180418](https://doi.org/10.15372/HSS20180418)
7. Levin M.I., Sheveleva I.V. Foreign Concessions in the Soviet Union of the 1920s: “Why Split Up”? *Voprosy ekonomiki*, 2016, no. 1, pp. 138–158 (in Russ.). DOI: [10.32609/0042-8736-2016-1-138-158](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-1-138-158)
8. Kiselev A.A. Kontsessii na Evropeyskom Severe SSSR [Concessions in the European North of the USSR]. *Voprosy istorii*, 1972, no. 7, pp. 26–35.
9. Abrahamsen E. *Vinter i Seregovo-skogen: Erindringer fra det norske trelasteventyret i Russland*. Orkana, 2015. 185 p. (Russ. ed.: Abrahamsen E. *Iz Seregova v Onegu. Vospominaniya o norvezhskom lesnom biznese v Rossii*. Arkhangelsk, 2016. 213 p.).
10. Troshina T.I. “Krest'yanstvo rubit les dlya sebya v shirokikh razmerakh, bez vsyakh razresheniy, net sredstv prekratit' samovol'nye porubki”. Severnaya derevnya v 1917 g. [“Peasants Cut Down Trees Wholesale for Their Own Use, Without License, and There’s No Way of Putting a Stop to This Unauthorized Felling”: Northern Village in 1917]. *Vestnik arkhivista*, 2017, no. 2, pp. 87–101.
11. Gernet S.M. Arkhangel'sk v istorii russko-shvedskikh otnosheniy [Arkhangelsk in the History of Russia–Sweden Relations]. Nizov V.V. (ed.). *Shvedy i Russkiy Sever: istoriko-kul'turnye svyazi* [Swedes and the Russian North: Historical and Cultural Ties]. Киров, 1997, pp. 195–199.

DOI: 10.37482/2687-1505-V280

Tat'yana I. Troshina

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
Northern State Medical University;
ul. Smol'nyy Buyan 7, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5517-5949> e-mail: tatr-arh@mail.ru

LABOUR RELATIONS AND CONFLICTS AT THE CONCESSIONARY TIMBER ENTERPRISES OF THE ARKHANGELSK PROVINCE IN THE 1920s

This article dwells on the labour relations at the timber enterprises of the Arkhangelsk Province granted by the Soviet government as a concession to foreign entrepreneurs in the 1920s. The main sources include archival (concession contracts and reports, results of inspections of concessionary enterprises by the authorities, shorthand reports of meetings of Soviet party and trade union organizations, materials of factory rates commissions and investigative and judicial authorities) as well as published sources, primarily, contemporary (publications in newspapers and magazines). Emphasis is placed on the authorities' attitude to labour conflicts. Timber enterprise concessions were of great international importance to the central government and economic importance to the local authorities; therefore, unlike at other concessionary enterprises, the authorities often supported the "capitalists". The concessionaires, in their turn, being interested in attracting skilled workers to their enterprises and seeking to normalize relations with the population and the authorities on the territory designated for forest exploitation, were accommodating the employees by spending substantial funds to build housing as well as social and cultural facilities in the factory settlements. Labour relations and conflicts are examined in the article using the example of four personnel categories: skilled workers; labourers at the sawmills; peasants engaged in logging and delivering timber to the factories (loggers and rafters, united in artels); administrative and clerical employees. In addition, a conclusion is made about the specificity of labour conflicts caused by the post-revolutionary social expectations of the population.

Keywords: *timber industry, foreign concessions, Arkhangelsk Province, labour conflicts, Soviet labour legislation, New Economic Policy.*

Поступила 13.05.2023
Принята 11.08.2023
Опубликована 25.09.2023

Received 13 May 2023
Accepted 11 August 2023
Published 25 September 2023

For citation: Troshina T.I. Labour Relations and Conflicts at the Concessionary Timber Enterprises of the Arkhangelsk Province in the 1920s. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 4, pp. 15–26. DOI: 10.37482/2687-1505-V280